

Едихан Шаймерденулы Сабит

Иссык-Куль

После весенней сессии 1962 года, я перешёл на третий курс. В этом же году на побережье Иссык-Куля возле посёлка Ананьево был открыт студенческий спортивно-оздоровительный лагерь. Я подал заявление в свой профсоюз, получил путёвку на первый сезон и записался в группу первопроходцев нашего перехода на озеро.

Вместе со мной пошёл в поход мой сокурсник Н.И.Ч. Мы прошли вводный инструктаж у руководителя группы опытного альпиниста Коробова и его помощника Карцева. Я на всю жизнь запомнил их девиз: «Лучше перебдеть, чем недобдеть!» и – «В горах не нужно учиться на своих ошибках, а лучше опираться на опыт профессионалов». Тогда можно будет избежать несчастных случаев, потому-что в горах ждать помощи будет неоткуда и травмированный товарищ станет обузой для группы.

Маршрут инструктор выбрал самый лёгкий – по Каскеленскому ущелью к реке Чон-Кемин, а дальше на перевал Дюре с выходом к посёлку Чирпыкты. Там за нами будет выслан автобус, который отвезёт нас в лагерь.

В самом начале движения Коробов распределил груз по рюкзакам – ребятам потяжелее, девочкам полегче. Здесь мой товарищ просто удивил меня. Он, из груды с банками тушёнки, круп для каши и овощей для супа выбрал всю капусту, пару пачек соли и положил в свой рюкзак. Туда же он втиснул большую эмалированную чашку. Инструктор очень удивился такому выбору, потому-что его рюкзак был в полтора раза тяжелее рюкзаков других юношей. Товарищ объяснил, что он – привычный, и такой груз для него – норма.

Только позже я понял его хитрость. На первом же привале, а это уже было время обеда и все очень проголодались, Коробов велел пообедать тем, что взяли с собой из дома. Это были в основном бутерброды, а мой товарищ достал из рюкзака капусту, настрогал её в миску, посыпал солью и размял эту массу руками. Этот салат с бутербродами пошёл как говорится – на ура! Пришлось на «бис!» сделать ещё несколько мисок этого салата.

Вечером мы пришли в долину реки Чон-Кемин и остановились на ночлег, с тем, чтобы поутру перейти обмелевшую за ночь реку и пойти на штурм перевала Дюре. На ужин была обычная туристская каша с тушёнкой, но Н.И.Ч. снова сорвал аплодисменты своим фирменным салатом из свежей капусты. После ужина стали ставить палатки и устраиваться на ночлег, а я решил заночевать у чабанов, чьи юрты стояли ниже по реке. Инструктор дал разрешение мне и моему товарищу, и велел быть утром в лагере. За нами увязались ещё трое ребят, и этой группой мы подошли к юртам. Сразу выбежали пастушьи собаки, но вышла хозяйка и на приятном для меня киргизском языке спросила:

– Что надо?

Я на родном казахском, ответил, что мы туристы из Алматы, и просил их не отказать в гостеприимстве и ночлеге. Хозяйка сразу же пригласила нас в юрту и через некоторое время мы уже пили горячий чай. Чуть позже пришёл с отарой и

хозяин. Увидев гостей, он распорядился, чтобы приготовили ужин, а пока варилось мясо, он расспросил: – «Кто мы, откуда и куда идём?»

Я отвечал ему на родном языке и поведал, что мы студенты политехнического института, идём на Иссык-Куль. Особое внимание он уделил мне – больше всего чабана привлекла моя рыжая, с красными прожилками борода, которую я отпустил к концу сессии.

Несколько раз, когда ребята обращались ко мне по имени, хозяева начинали пристально присматриваться ко мне. Поняли ли они что-то или нет, но относились ко мне с подчёркнутым почтением.

После положенного чая, мы услышали, что началась гроза и полил сильный дождь с порывами ветра.

Женщина в сердцах сказала:

– Опять эти туристы что-то нагадили! Вот духи Гор и возмутились! Теперь, пока ветер не стихнет и дождь не кончится, овец нельзя будет выпасать, и агнякам не хватит молока!

Я, как-то в этот момент отключился от этого мира и машинально ответил:

– Не беспокойтесь! К утру гроза прекратится и хозяин в солнечный день погонит стадо на выпас! А вы разрешите заночевать у вас в складской юрте?

Наша просьба была выполнена. Хозяйка дала нам кошму и несколько одеял и подушек, и мы просто замечательно выспались. После утреннего чая мы распрощались с гостеприимными хозяевами, я вручил хозяйке несколько пачек цейлонского чая, а ребята, заранее приготовленный по моему совету свёрток с конфетами, печеньем и кусковым сахаром из нашего сухого пайка.

В общем, расстались мы взаимно довольные друг другом, дождь давно кончился, было сухо, и из-за гор выглядывало солнце.

Подойдя к стоянке, мы увидели жуткую картину. Все палатки были сорваны ветром, у пылающего костра сидели озябшие, промокшие ребята и сушили на растяжках свою одежду. Нормально выглядели лишь наши инструкторы, потому-что они закрепили свою палатку по правилам, и ветер её не сорвал. Через некоторое время из палатки вышел Коробов:

– Ну что? Хорошо погуляли? А я ведь на вводном инструктаже категорически запретил брать с собой спиртное! Вот горы вам и отплатили за неуважение к себе. Приказываю весь мусор собрать и сжечь, то что не может гореть, а это банки из под тушёнки и сгущённого молока – закопать вдали от тропы. Бутылки все собрать, если есть разбитые, то и осколки, чтобы не разгорелся пожар при попадании на них солнечных лучей. Каждый, принёсший эти бутылки, донесёт их до нашей зоны отдыха и при мне бросит их в ящики для мусора.

Девочки начали готовить завтрак, а мой сокурсник снова приготовил салат из свежей капусты. Когда мы, построившись перед походом, выставили перед собой рюкзаки, то его рюкзак с капустой был пуст более чем наполовину!

Отдав все распоряжения, инструктор обратился ко мне:

– Ну как там, всё прошло нормально?

Мои спутники, перебивая друг друга закричали:

– Нас приняли как дорогих гостей!

– Мы ели свежее мясо из казана и пили кислое молоко – айран.

– Хозяева отвели нам на ночлег отдельную юрту, и мы спали на кошмах!

– Это всё благодаря Едихану. Он говорил с хозяином на казахском языке. Оказалось, что киргизы очень хорошо его понимали.

Выслушав всё это инструктор обратился ко мне:

– Я вижу, что ты вырос в ауле, хорошо знаешь обычаи народа?

– Да! Я вырос в песках Прибалхашья, в низовьях реки Или.

– Хорошо! Я это сразу понял и без колебаний отпустил и тебя, и твоих товарищей к чабанам. Раз они так радушно встретили тебя, то значит ты, кроме обычаев, знаешь и соблюдаешь законы Природы?

– Да, конечно! Когда мы выгрузились из автобуса и вошли в горную долину, то я попросил разрешения духов Гор войти в их владения. Считаю, что они услышали мою молитву.

– Конечно же! Горы и дети гор – киргизы приняли тебя. В отличие от этих разгильдяев, ты и твои товарищи выглядят бодрыми, хорошо выспавшимися и в сухой одежде. Мы, посоветовавшись, решили, что после ливня Чон-Кемин нельзя форсировать, а нужно сделать крюк и спуститься к деревянному мосту, по которому чабаны перегоняют свои отары. А потом, практически вернуться назад, к этому месту, и отсюда идти уже на штурм перевала Дюре. И всеми этими перегрузками вы будете обязаны вот этим самоуверенным раздолбаям, устроившим пьянку и гулянку в походе. Полагаю, что ваш спортивный куратор возьмёт их на заметку и воздаст им в спортлагере за их «весёлую» жизнь!

– Да уж, не беспокойтесь! Я на тренировках вышибу всю их дурь. Если же замечу, что вы и там будете прикладываться к бутылке, то я выгоню вас из лагеря и поставлю вопрос перед ректоратом об отчислении из ВУЗа за нарушение спортивного режима!

На этом инцидент был исчерпан, мы двинулись в поход. В полдень мы подошли к подножию перевала и пошли на штурм. Через несколько часов мы были на перевале. Ярко светило солнце. Мы сняли рюкзаки и прошли чуть дальше. Внизу, как драгоценный голубой камень лежало озеро Иссык-Куль. Мы долго стояли, как замороженные, не в силах отвести глаза от этой сказочной красоты. Нас отвлек голос инструктора:

– Идите ко мне и попробуйте альпинистское мороженое!

Он вскрыл банку сгущёнки и вылил её содержимое прямо на снег. Девочки испуганно закричали:

– Ой! Что Вы делаете? Ведь всё молоко утечёт!

Коробов, видно не раз показывал этот трюк неопытным туристам. Он ложкой размешал спрессованный фирновый снег и пригласил всех попробовать это лакомство!

Действительно вкус был потрясающим. Коробов велел достать сухой паёк из сухарей, печенья, изюма, кураги, сушёных яблок и перекусить. Мой сокурсник снова запустил в производство свой салат из свежей капусты и использовал последние кочаны. Его рюкзак был почти пустой, и дальше он шёл уже налегке.

Я поразился его находчивости и вдруг вспомнил, что где-то что-то похожее я уже читал, но не придавал тогда этому особенного значения...

Дальше начался изматывающий, однообразный спуск в долину. Мои старые зимние ботинки, в которых я прошёл перевал, стали лопаться по швам, но их подошва из литой резины прекрасно смягчала неровности грунта и каменистых осыпей.

Наконец, мы дошли до чабанской стоянки, где и должны были заночевать. Во дворе кошары стоял большой грузовик для перевозки скота. Возле него стояли чабан, водитель и экспедитор.

Мы подошли к ним и поздоровались. Я лично пожал руку чабану, экспедитору в плаще и шляпе, и водителю. На их вопросы мы ответили, что мы туристы, идём из Алматы в Чирпыкты. Я заметил, что горцы снова пристально присматриваются ко мне. Особенно их заинтересовала моя борода. На их вопросы я на родном языке ответил, что являюсь студентом третьего курса технического ВУЗа, и моя будущая профессия – это «думающие машины». Разумеется, это произвело на них сильное впечатление. Но тут они обратили внимание на мои лопнувшие ботинки и предложили подвезти меня до посёлка и быть их гостем.

Я, конечно, согласился, забросил в кузов рюкзак и позвал за собой группу. Но экспедитор объявил, что они повезут только меня, а они пусть идут пешком, потому-что по инструкции людей в скотовозах им возить категорически запрещено.

На это я ответил, что своих товарищей не брошу. Тем более, что у девочек тоже были проблемы с обувью, а одна из них натёрла ногу и сильно прихрамывала.

Я полез в кузов, чтобы сбросить свой рюкзак и услышал как киргизы переговариваются:

- У него белое, неказахское лицо!
- У него рыжая, почти красная борода! Уголки глаз красные! Явно чингизид - торе!
- А имя у него ханское – Едихан! Такое имя простолюдин носить не может!
- Да и профессия у него достойная, как и положено чингизиду!
- Не будем гневить дух великого Чингиз-хана! Подвезём их на окраину посёлка, там никто не увидит, что мы везли в кузове людей!

Экспедитор сказал Коробову, чтобы люди садились в грузовик, а мне по-киргизски сказал:

- А Вы садитесь с нами в кабину. Чингизиду не положено ездить в скотском кузове!

Водитель видимо решил немного поразвлечься и на бешеной скорости погнал вниз машину. Я слышал, как на резких поворотах девочки визжали от страха. Но я знал, что сельские водители могут проехать там, где горожанин обязательно застрянет или вылетит в кювет. Поэтому я спокойно сидел между экспедитором и дверцей кабины, и где-то даже задремал...

Разбудили меня, когда мы доехали до окраины посёлка. Я сердечно распрощался со своими киргизскими братьями, и они уехали. А мы стали устраиваться на ночлег. Земля здесь была очень твёрдая, судя по всему – школьный стадион. Колышки для крепления палаток были сделаны из дрянного

металла, стержни гнулись, палатки держались на честном слове. У инструкторов палатка была фирменная, на два человека с двойным пологом, и колышки были из уголков качественной стали. Палатка стояла как монолит.

Мы поужинали горячей кашей с тушёной. Времени было много, и я решил пройтись в посёлок. У одного из хороших домов я увидел во дворе девочку лет двенадцати и попросил позвать хозяина.

Из дома вышел средних лет человек в очках. Я поздоровался с ним, представился, что мы студенты Политехнического института, идём из Алматы на свою базу в Ананьево и спросил:

– Вы не могли бы пустить несколько ребят на ночлег на веранду. А то палатки у нас прошлой ночью сорвало в ущелье ветром, и они протекают, поэтому не хочется ночевать на холодной земле.

В 1962 году туристы были, видимо, в этом захудалом посёлочке впервые, хозяин радушно согласился принять нас, но сказал, что хозяйка уехала в город к родственникам.

Я ответил, что мы только-что поужинали, и кроме ночлега нам ничего не нужно – лишь бы переночевать в тепле, а утром мы уедем на базу.

– А сколько будет гостей?

– Ну не более пяти человек. Мы этой группой прошлой ночью остановились у чабанов. Думаю, что им понравилось гостеприимство киргизского народа, и они снова увяжутся за мной.

– Хорошо, приходите. Мой дом всегда открыт для добрых гостей.

Так оно и получилось. Когда я снова спросил разрешения у Коробова переночевать у киргизов, он даже крякнул от досады:

– Жаль, что не могу пойти с вами! Служба обязывает! Ну хорошо, идите. Ты снова за старшего в группе.

Когда мы вошли во двор, там уже вовсю кипел самовар. Девочка выкатила на веранду круглый стол, насыпала на скатерть баурсаки, курт, кусочки сахара и поставила чашку с киргизским густым и пахучим мёдом.

Наливая чай, она клала в каждую пиалку щепотку соли. Кое-кто из «белых» людей начал кривить лицо, но я тихо сказал:

– Сидите и не дёргайтесь! Кому не нравится – может тихо уйти.

После чая, девочка постелила на веранде кошму, вынесла одеяла и подушки в цветных наволочках, и мы стали устраиваться на ночлег.

Сплю я обычно очень чутко, и проснулся от завывания ветра и раскатов грома. Гроза, как быстро началась так и кончилась, и я снова уснул. Проснулся я как всегда с первыми лучами июньского солнца, быстро оделся и пошёл на озеро...

Это был самый большой водоём, который я видел в своей двадцатилетней жизни. Я прошёл по берегу и обратился к Духу озера:

– Я вырос в песках и хорошо знаю цену воды, бабушка научила меня чтить и уважать Духов Воды! Прошу разрешения искупаться в Ваших владениях не для развлечения, а для того, чтобы подлечить больную спину и натёртые в походе стопы!

Спящее озеро вдруг плеснуло волной. Она коснулась моих босых стоп и отошла назад. Это было разрешение. Я постепенно вошёл в обжигающе холодную воду и наконец нырнул. Инструктор говорил, что вода в озере по химическому составу близка к физиологическому раствору, и в озере можно плавать под водой с открытыми глазами.

Действительно, я впервые разглядел на дне камушки, водоросли. Моё, тогда очень богатое воображение, нарисовало развалины древнего города, который по легенде ушёл под воду в результате природного катаклизма...

Наплававшись, я вышел на берег и с изумлением отметил, что стою разогнувшись, прямо. Поясница и плечи, натёртые тяжёлым рюкзаком, совсем не болят, прошла ноющая боль в моих, не очень больших, стопах кочевника.

Поблагодарив озеро за добрый приём, я вернулся назад. Там уже все проснулись. Девочка варила во дворе на очаге куырдак – жаркое из нашей тушёнки и местной картошки с томатами. После того, как мы позавтракали и попили традиционный чай с солью, мы стали собираться в дорогу, и я заметил, что у меня на штормовке болтаются пуговицы.

А когда я отпрашивался у Коробова на ночлег, то потом ко мне подошёл куратор по спортподготовке Карцев и доходчиво объяснил мне, что:

– С завтрашнего дня с 8-00 обязанности Коробова, как инструктора по туризму заканчиваются, вы все попадаете под моё руководство. Поэтому в 8-00 утра вы с товарищами должны быть на построении. Теперь я буду определять, где и кому быть, и когда быть. Ясно?!

Поэтому я решил привести одежду в порядок, чтобы достойно выглядеть на построении. Я достал из рюкзака жестяную коробочку, сделанную под сундучок с защёлкой. В таких коробочках в Совмин поступал индийский чай. Мой отец работал в автотранспорте и нам кое-что тоже перепало. Коробочка была расписана рисунками с изображениями джунглей, слонов, обезьянок и, конечно с индийскими танцовщицами.

В этой коробочке я держал самые необходимые в походе вещи – стерильный бинт, марганцовку, ножнички, иголку с нитками и коробку спичек, залитых парафином.

Когда я начал пришивать пуговицу, девочка попросила позволить сделать эту работу ей, потому-что в традициях этого народа ещё сохранялось уважение к мужчине и соблюдалось строгое разделение труда. Я, конечно, охотно уступил, и она очень ловко и быстро перешила все мои пуговицы. Только в тот момент, при дневном свете, я обратил внимание на её очень красивые смуглые кисти рук, а когда она, протягивая мне сделанную работу, подняла голову, я увидел, что у неё очень тонкое, красивое лицо. Она собрала нитки, иголку, и положила назад в жестяную коробочку...

Было видно, что сундучок потряс её своей красотой и яркими красками. Ясно, что в глухом и пыльном посёлочке Чирпыкты, очень похожем на наши степные посёлки, где есть только продуктовый дукен – магазин, такой роскоши не могло быть даже и в помине.

Как и положено ребёнку, который видит сказочную вещь, она поворачивала коробочку в руках, стараясь запомнить каждую деталь этой красивой безделушки.

Я понял, что творится в её душе, пересыпал содержимое в кулёк из местной газеты, которую хозяин разложил вместо салфеток. Потом положил в коробочку горсть сухофруктов, чтобы была полной, и вручил девочке в подарок – сыйлык!

Она по-детски прижала ладони к вспыхнувшим от волнения щекам, потом двумя руками бережно взяла сундучок и прижала его к груди:

– Рахмет, аға, рахмет!

С этими словами она убежала в свою комнату. Я поднялся, во дворе попрощался с хозяином, и мы двинулись на выход. В это время хлопнула дверь, на крыльце появилась наша девочка. Она успела быстро переодеться – на ней было длинное красное платье, она ещё и распустила собранные на затылке очень длинные косы. Так она благодарила гостя за подарок.

Придя в лагерь я подумал, что я несколько сместился во времени. По полю были снова разбросаны палатки. У костра сидели те же люди и сушили на растяжках свою одежду и вещи. Снова инструктор своим зычным голосом кого-то воспитывал...

Мы по команде Карцева быстро построились, и он дал волю своему красноречию, которое не стоит повторять...

Скоро пришёл автобус, и мы через несколько часов были уже в Ананьево, в палаточном лагере прямо на берегу моря.

Мы и встречающий нас персонал построились напротив друг друга и по обычаю прокричали:

– Слава героям, прошедшим маршрут!

– Персоналу лагеря физкультпривет!

Дальше нас развели по палаткам, и мы начали устраивать свой быт.

Утром приехали остальные члены спортгруппы, и началась обычная жизнь – с утра гимнастика с последующим купанием в озере, потом тренировки по секциям, обеденный отдых и спортивные игры.

Через некоторое время нас вызвали на товарищескую встречу по футболу с местной командой – чемпионом побережья.

Результат был просто потрясающий. Чемпионы побережья, в присутствии своих болельщиков проиграли каким-то студентам с разгромным счётом. Повторный матч-реванш тоже был ими крупно проигран. Единственное, что местных утешило – на нашей кафедре спорта преподавали олимпийские чемпионы по волейболу Жан Сауранбаев, а по баскетболу – В.Цветков из состава той самой легендарной команды «трёх секунд». Кроме них на кафедре были и чемпионы мира по классической и вольной борьбе.

В нашей студенческой сборной по футболу играли члены студенческих команд по ручному мячу, волейболу, борьбе и боксу. Так-что физическая подготовка у нас была на уровне.

Наш лагерь всё рос и пополнялся. Сначала приехали наши преподаватели с детьми. Потом появились бабушки и дедушки с малолетними внуками.

В один из этих дней я, после обеденного сна, вышел из палатки и услышал детский крик:

– Дави его, бей его!

Повернув голову на крик, я увидел нашего студента, убегаящего от детей. Я подумал, что дети есть дети, и они просто дают выход своей энергии. Но тут раздался детский крик:

– Вот ещё один «зверь»! Бей его!

Дети гурьбой подбежали ко мне. Я ещё не проснулся и плохо понимал, что творится. За это время дети добежали до меня по дорожке между палатками и очень грамотно отрезали пути отступления. Меня это поначалу очень позабавило и я стал рассматривать – что за дети. Это были «белые» ухоженные дети разных возрастов от 7 до 12 лет. Вооружены они были палками, сучьями. Мальчик лет двенадцати держал в руках кусок арматуры, а больше всех меня поразила девочка азиатского типа с искажённым от ненависти лицом. В руках она держала засохшую ветку облепихи с колючками и тыкала этой веткой мне в глаза. Следом за ней в меня стали тыкать своими палками и другие дети...

Меня, выросшего в юрте, это просто потрясло – дети перешагнули через закон Иерархии и совершили маленькую революцию.

Я схватил девочку за руку и хорошенько шлёпнул её пониже спины, чтобы она пришла в себя. Остальные дети в испуге попятились, поняв, что этот «зверь» не побежит.

Я спросил их:

– Чей это ребёнок?

Они, нагло глядя мне в глаза, заявили:

– Это дочь нашего ректора!

Я, конечно, очень усомнился и сказал:

– Ну тогда ведите меня к этому ректору!

Дети привели меня к палатке. Я вошёл туда, держа за руку девочку вместе с зажатой в её руке колючкой.

За столиком сидели родители ребёнка. Отец – типичный казах, невысокий, полный, круглолицый. Мать явно из поволжских тюрков, женщины которых отличаются особой красотой и такой же сварливостью.

На вопрос: – В чём дело? – я ответил отцу девочки на родном языке, что он вырастил метиску, которая охотится на соплеменников своего азиатского отца! Ваша дочь собрала банду из детей преподавателей, и они теперь гоняются по всему лагерю за студентами казахами.

К чести мужчины, он не стал орать на меня, а побледнел, схватился за голову и застонал. Похоже, эта проблема уже стояла у него, как говорится, остриём.

Но женщина, сказав от ярости, в общем весьма привлекательное лицо, заорала:

– Да как ты смеешь, студентка, поднимать руку на моего ребёнка. Да я тебя засужу, из института выгоню!

– Попробуйте! Весь лагерь видел, как дети, подстрекаемые вашей дочерью, гонялись за студентами и кричали:

– Бей этих уродов!

Тогда женщина отхлестала по щекам своего ребёнка, и в какой-то момент я понял, что она люто ненавидит не только своего мужа, очень умного специалиста, но и его ребёнка, зачатого также в ненависти.

Схватив за руку рыдающую девочку, она пошла в палатку начальника лагеря. Я слышал её крики, но началась тренировка, и я ушёл на игровое поле.

Во время перерыва на игровой площадке ко мне подошла моя преподавательница по английскому языку. Она, славянка, также была замужем за казахом, также преподавателем нашего ВУЗа. Но здесь был брак по любви. Он был выходец из района Семипалатинска, заселённого рослыми русыми казахами. Их малыш бегал по лагерю, охотно шёл на руки казахских ребят. Значит он видел в них своих родственников.

Преподавательница спросила меня:

– Что такое ты совершил, что против тебя был собран педсовет?

Я всё ей объяснил – что и как произошло и она успокоилась, но сказала:

– Будь поосторожнее и следи за своим языком! Думаю, что всё обойдётся. Кроме эмоций этой женщине тебе нечего предъявить!

Позже, ко мне подошёл начальник лагеря, явно родом из сибиряков, которые заполнили наш тихий спокойный город. Переселившиеся далеко не бедные люди принесли с собой колонизаторский менталитет.

Мерзко улыбаясь, начальник спросил меня:

– Ну что – стоишь?! Стой, стой, пока можешь!

Я не придавал значения его словам, но последующие за его словами события убедили меня, что он не зря их произнёс.

Но судьба явно хранила меня. Снова раздался женский крик – это кричали мои однокурсницы. Я пошёл на этот крик и застал неприглядную картину – у своей палатки наши девушки, с кем-то перепираясь, рвались внутрь, а их туда не пускали.

Оказалось, что пока мы все были на тренировке, приехал декан одного из факультетов и заселился в их палатке!

Эта палатка была признана образцовой. Девочки её изнутри хорошо прибрали. Вокруг палатки они выволокли сорную траву, соорудили даже бортики вокруг палаток со сточными желобками на случай дождя и даже посадили у входа в песке цветы, взятые с соседнего лагеря.

Начальник лагеря, без ведома студенток, приказал перенести их вещи в самую драную палатку, да ещё и на самом краю лагеря. Дальше начинались густые заросли колючей облепихи. Забора вокруг лагеря не было, и охраны тоже. Так что девочки пошли на принцип и обещали выехать из лагеря прямо в ЦК партии, с жалобой на коммуниста.

Пришло время ужина и начальник лагеря объявил:

– Всем после ужина на собрание! Будет вынесено серьёзное решение.

Собрание было организовано по всем правилам – избран Президиум, за столом сидели строго одетые люди. Секретарь собрания огласила повестку:

– Решается вопрос об исключении из института студента третьего курса факультета Автоматики и Вычислительной техники Сабит Едихана за хулиганские действия, выразившиеся в избивании ребёнка преподавателей

нашего института. Педагогический Совет постановил ходатайствовать перед ректоратом об исключении вышеупомянутого студента из ВУЗа. Для узаконивания этого постановления необходимо решение общего собрания студентов. Какие будут мнения?

Раздались голоса:

– Вообще, по лагерю бегают дети с палками и гоняются за студентами и конкретно – за казахами. Нужно обсудить и этот вопрос!

В это время на собрание подошли наши девочки и подняли шум:

– Тогда в повестку собрания нужно будет включить вопрос о безобразном поведении декана факультета. На каком основании он, без предупреждения, как барин взял да и занял нашу палатку, а нас, как холопов, отправил в дрянную палатку, да ещё и на краю лагеря?

Начался гвалт, я пытался сказать, что я никого не бил, а девочку избил собственная мать, и её отец может это подтвердить.

Но руководительница собрания твёрдым голосом потребовала сначала решить первый вопрос, а потом уже обсудить второй.

Снова начались споры и накал страстей достиг такой силы, что у самих организаторов судилища с лиц стала сползать наглая безнаказанность – могли возникнуть большие беспорядки.

Но снова вмешались мои ангелы-хранители, раздался голос:

– Одну минуту внимания!

Поднялся высокий худощавый белобрысый парень. Он поднял небольшую серую книжку и представился:

– Я член институтского Профкома. Отвечаю за культурный и спортивный сектор. Я здесь по исполнению решения Горкома комсомола об организации ударных студенческих отрядов для отправки на Целину. По этому решению и был организован этот заезд. При получении путёвок в лагерь все подписали соответствующие бумаги, где они обязуются выполнять все условия пребывания в лагере, соблюдать распорядок и выполнять все требования студенческого спортивно-оздоровительного лагеря, указанные в этой книжке.

Но здесь нет ни одного слова о пребывании здесь преподавателей, их детей, тем более бабушек и дедушек с малолетними детьми!

Что получается? Утром я вижу на физзарядке одно количество людей, а на завтраке в столовой их вдвое больше. И так далее. Но здесь имеет место уже и преступление, потому что лагерь содержится за счёт денежных взносов студенческой профсоюзной организации.

А у преподавателей свой профсоюз, потому что они имущий класс, для них имеется прекрасный, комфортабельный Санаторий в Чолпон-Ате.

– А вы попробуйте достать путёвку в этот санаторий. Из нашего ВУЗа наверное только с десятков преподавателей там отдыхали. Сами знаете, чьи они родственники! Куда же нам теперь с детьми деваться? Пусть студенческое собрание разрешит нам остаться в лагере, мы заплатим в полную стоимость путёвки! Обещаем, что больше никаких конфликтов не будет!

– Пусть решает собрание, а его решение я поддержу! Я сейчас же заберу протокол собрания с фамилиями организаторов этого судилища и передам в ректорат. Пусть он решает, что делать!

Наступила гнетущая тишина...

Эту тишину нарушил голос известного борца, члена студенческой сборной. Он был южанин и не очень грамотно говорил по-русски, но зато очень доброжелательно и понятно:

– Давайте решим этот вопрос по-человечески! У нас учитель на время учёбы заменяет ученику родителей! Неужели мы своих родителей не приютим и не накормим? Пусть посторонние уезжают, нечего им делать здесь. А наши преподаватели, которые дают нам знания, пусть останутся!

Собрание постановило:

1. Посторонние завтра же покидают лагерь, оплатив за проживание.
2. Покидают лагерь и преподаватели, чьи дети организовали «звериную охоту».
3. Лагерь должен покинуть декан, выбросивший девочек из их палатки.
4. Оставшиеся преподаватели и их дети полностью соблюдают данные ими обещания.
5. Начальника лагеря уволить, и передать дело по инстанции.

Так закончился этот странный день, и обо мне, виновнике этого конфликта, никто даже и не вспомнил.

Чуть позже, переживая это событие, я вспомнил точно такое событие в своей жизни. Это было в 1955 году, весной. Нас мобилизовали помочь преподавателям посадить на выделенном колхозом вспаханном клине земли картошку, свеклу, морковь и многое другое.

В воскресенье мы, старшие классы, пришли на поле. Нам раздали тяпки и лопаты, посевной материал, построили по рядам и мы под руководством биологички начали работу.

И тут меня под плотную «опеку» взяла наша географичка Ольга Никаноровна. Она ходила около меня, комментировала каждый мой шаг и орала на всё поле, оскорбляя меня, называя и пентюхом, и олухом царя небесного, и лодырем, у которого руки растут из ниже спины...

В конце-концов я не выдержал такого издевательства и закричал:

— Что Вы пристали ко мне? Что, у Вас нет больше других учеников, которых Вы могли бы так оскорблять! Что я Вам сделал плохого, что Вы вцепились в меня как клещ?

Позже я понял причину такой ненависти. Будучи очень начитанным ребёнком, я видимо задавал учительнице очень неудобные вопросы, на которые она не могла дать правильный ответ. Вот она решила здесь и отыграться.

– Вот! Все слышали, как он оскорблял меня, заслуженную учительницу школы! Я тебя, негодяй, выгоню из школы с «волчьим билетом»! Вот тогда-то ты умник узнаешь – почём фунт лиха!

Чтобы избавиться от этой вредной, похожей на бабу-ягу старухи, я ушёл на другой конец поля.

К обеду работа была закончена и нам объявили – всем собраться в конце поля. Там на горке стояли все наши преподаватели и молодая учительница хорошо поставленным голосом объявила:

– Вы все слышали, как ученик Сабит Едихан оскорблял заслуженную учительницу! Поэтому педагогический совет постановил: Исключить вышеупомянутого ученика из школы! Завтра же он должен привести родителей и забрать из школы свои документы!

Я был в шоке. Среди преподавателей был и мой классный руководитель, преподаватель физики, которому я тоже задавал неудобные вопросы. Остальные учителя, у которых я получал только отличные оценки, тоже отчуждённо молчали. Позже я понял, что они вели борьбу за выживание на чужой земле и, согласно закону колонизаторов, должны были уничтожать «строптивных туземцев»!

Я как в бреду пришёл домой и рассказал маме, что случилось, и что ей нужно завтра быть в школе. Мать почему-то очень спокойно отнеслась к этому, видимо потому, что она сама училась в Женском педагогическом и неплохо знала законы педагогики.

Утром мы пришли в кабинет директора Шипицина Н.Д. Он ночью приехал с какого-то семинара и не был в курсе дела. Педсовет был в том же составе, и молодая учительница поведала о том, как я оскорбил и унизил Ольгу Никаноровну. Директор спросил:

– Это было во время урока в школе?

– Да нет же! В воскресенье мы собрали учеников пятых, sixth и седьмых классов на нашем подсобном поле, чтобы засеять участки учителей. Там и случился инцидент.

– Почему вы мобилизовали детей на сельхозработы без моего разрешения?

– Так Вы же были в отъезде, а биолог Н.Г. сказала, что земля прогрелась и самая пора сажать картошку, свеклу и морковь.

– Значит, дети в свободное от занятий время бескорыстно помогали вам засеять ваше же поле? Вы хоть после работы их накормили чем-нибудь?

– Вот ещё! Да откуда же мы возьмём столько продуктов на всю эту ораву!

Директор взял протокол и спросил:

– Здесь нет подписи преподавателя литературы – Раисы Константиновны. Что Вы скажете на это?

– Я категорически возражала против этого пасквиля! Я слышала, как Ольга Никаноровна орала на ученика, применяя самые мерзкие обороты русской речи. А на собрании она убедительно призывала коллектив:

– Если мы сейчас попустим этим «узкоглазым», то они скоро сядут нам на шею, и от них не будет прохода!

Странно, но коллектив, повинувшись стадному инстинкту, пошёл за ней, а классный руководитель ученика, преподаватель физики, даже и не пытался заступиться за своего воспитанника, а активно агитировал за применение самых жёстких мер! Что касается Едихана, то я могу сказать, что он самый способный ученик в моём классе. Что ещё можно сказать о школьнике, если он в пятом классе читает Дюма, Сервантеса, Вальтера Скотта, знает почти наизусть

«Легенду о Тиле Уленшпигеле». За то, что он пытался отстоять своё достоинство, его просто приговорили к исключению из школы!

– Вот, вот! Почему нет решения педсовета об исключении из школы Дерникова – просто бандита, второгодника, двоечника! За мою жизнь в школе было исключено всего трое учеников. И то, они сразу же из школы были, по решению суда, отправлены в колонию для малолетних преступников!

А вы незаконно привлекли детей к рабскому труду на своих личных участках земли и за то, что школьник просто протестовал против публичных оскорблений учителя, его же приговорили к исключению из школы!

Я рву вот этот пасквиль, который свидетельствует о вашей правовой безграмотности и, самое главное, вы все забыли о том, что вы – Учителя, призванные «сеять разумное, вечное, доброе», а не творить судилище над воспитанниками.

Все подавленно молчали. Но снова взорвалась молоденькая учительница:

– Да что же это творится, теперь каждому казаку можно будет оскорблять нас – русских?!

Директор прошёл всю войну, был тяжело ранен, о чём свидетельствовали шрамы на лице и голове. Он, сдерживая гнев, тихо сказал:

– Я всю войну прошёл с этими, как вы называете «узкоглазыми». Когда в 1941 году, мы, отступая, попали под бомбёжку, то мои однополчане казахи, меня, раненого, вынесли с поля боя, да ещё нашли и принесли мою винтовку. Иначе гнить бы мне в яме с дезертирами. Да, да! Такие уж были законы войны! В санчасти особист сравнил номер моего оружия с записью в солдатской книжке и велел отправить меня, как честного солдата, транспортом в санитарный поезд. Так я остался жив!

Вас, Ольга Никаноровна, я пять лет назад не отправил на пенсию, из-за Вашего тяжёлого материального положения. Вот, Вы и отблагодарили меня за это. Забирайте Ваши документы и оформляйте пенсию.

Вам, уважаемые преподаватели, ставлю на вид, кроме Хриптовой Раисы Константиновны. А Вам, активистке, я рекомендую написать заявление по собственному желанию, иначе мне придётся, по инструкции, передать дело в соответствующие инстанции, потому что ваши высказывания были расистские, если не фашистские! И лучше, смените профессию, Вам в школе делать нечего, уж поверьте мне, опытному педагогу!

Директор, как историк, конечно знал, что его школа находится в бывшей казачьей станице, и здесь всегда была неприязнь казаков к инородцам «киргизам»! Поэтому он и пошёл на эти крайние меры, чтобы не было огласки, иначе ему пришлось бы отвечать за то, что в его коллективе бытуют шовинистические настроения.

Далее он обратился к моей маме:

– Я приношу свои глубочайшие извинения, за безответственное поведение моих сотрудников. Я хорошо знаю Вашего сына. Он отличник и спокойный и воспитанный ученик. Я уже приготовил приказ о награждении его Почётной грамотой и считаю этот инцидент исчерпанным!

Так закончился этот страшный день весны 1955 года, а я почти забыл про эти ужасные тогда для меня события.

Но, после такого же, почти под копирку, собрания через семь лет, с такими же неожиданными результатами, я задумался – случаен ли этот повтор событий или в этом есть какая-то закономерность?

Я тогда ещё не знал о своём назначении, не знал о Спирали Времени, а просто продолжал познавать мир. На Иссык-Куль я попал только через десять лет в 1972 году, просто на отдых, а через ещё десять лет, в 1982 году я уже в ранге Космического Воина приехал на Иссык-Куль, чтобы дать сражение «тёмным» в нижних уровнях астрального мира. Мой вновь обретённый брат Ак Жаркын (Светоносный) предупредил меня о том, что «тёмные» решили меня убить и тем самым спасти свою Иерархию Тьмы. Дату выбрали они, руководствуясь своими астрологическими расчётами, и эти расчёты обещали исход сражения в их пользу.

Я же выбрал место сражения, твёрдо зная, что Иссык-Кульская долина есть портал в параллельные миры, и только здесь я могу рассчитывать на победу.

Так оно и случилось. Лучшие воины «тёмных» сгорели в этом сражении. Отголоски этого сражения ещё долго отзывались беззвучными сполохами в кольце гор вокруг озера. Это были отблески ярчайшего пламени, бушевавшего в Тонком мире, но ударной волны в атмосфере Земли, как при нормальных грозных разрядах молний, они вызвать не могли. Ещё более грандиозные многочасовые дневные вспышки Небесного Огня 12 и 17 мая 1978 года прошли без единого звука в Алма-Ате – это были волны космического огня из параллельных миров!

После этого сражения я был полностью обесточен, лишён жизненных сил и только благодатная аура Иссык-Куля помогла мне восстановить жизненные силы, иначе я должен был умереть, согласно астрологическим прогнозам «тёмных».

Но в долине Кыргызского моря время течёт по-другому – их астропрогнозы оказались битыми и в прямом, и в переносном смысле! Но ещё более грандиозное, сравнимое только с Космическим Сражением, событие, произошло здесь же в благодатной долине Иссык-Куля самом конце августа 1987 года. Тогда я прибыл в Чолпон-Ату, уже по приглашению Иерархии. Через несколько дней адаптации и подготовки, я через портал был доставлен в другую Галактику в систему Изумрудного Солнца – на Жер-Уюк. Об этом подробно написано в книге «Ак Сарбаз», в главе девятой, во втором разделе.

Я скрывал эту тайну до последних времён, опасаясь что портал будет загажен жадными до наживы людьми. Но портал жив и действует, там находится духовный центр, устраиваются международные конференции и семинары.

Пусть так и будет! Пока портал сохраняется и действует – связь Человечества с Космическим Братством будет сохранена. Это значит, что план Эволюции будет выполнен и на планете Земля!